

ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА СЕРЕДНЯЦКИХ ХОЗЯЙСТВ В ПЕРИОД НЭПА (по материалам Пензенской губернии)

В статье анализируется аграрная политика большевиков в первое десятилетие советской власти: изменение отношения к среднему крестьянству и формирование из них главной силы сельского хозяйства. Выявлены неоднородность середняцких хозяйств, их деление на три категории: «зажиточные», «средние» и «маломощные», которые имели тенденцию перехода к бедняцким хозяйствам. Рассмотрено экономическое состояние средних крестьянских хозяйств: изба, наличие хозяйственных построек, количество рабочего и мертвого инвентаря, применение машинной техники. Автор приходит к выводу, что уравнительное перераспределение земли способствовало осереднячиванию деревни. В период нэпа восстановление народного хозяйства шло медленными темпами и социальное выравнивание выразилось в маломощности большинства крестьянских хозяйств на фоне общего обнищания деревни. Сельскохозяйственные орудия оставались примитивными. Хозяйство середняка было экономически слабым.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ; АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА; КРЕСТЬЯНЕ; СЕРЕДНЯК.

Современная историография вновь и вновь открывает для себя мир крестьян. По меткому выражению историков-аграрников, они до сих пор являются «великим незнакомцем», продолжается изучение их социального типа, образа жизни, ментальности, культуры, влияния на них аграрных преобразований [20]. В настоящее время отмечается повышенный интерес исследователей к «изменчивым сферам бытия социума», распространению новаций, трансформации повседневной жизни [1, с. 5]. С использованием регионального материала предпринимаются попытки воссоздать типичные картины «повседневности и уровня жизни» населения страны [17, с. 285]. Рассматриваются положение, образ жизни и отношение различных социальных групп крестьянства к процессу социальной дифференциации социальной политики государства [2], социальные проблемы и противоречия [8].

Проведенные большевиками национализация и социализация земли коренным образом изменили судьбу российских крестьян. Право собственности на землю, не только помещиков, но и крестьян, переходило государству. Конфискованная земля передавалась в распоряже-

ние волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Крестьяне, желавшие обрабатывать землю своим трудом, получали ее на праве пользования. Декрет о земле и Основной закон о социализации земли предусматривали возможность различных форм землепользования, выбираемых крестьянами добровольно, в то же время выдвигая на первый план коллективные формы хозяйства [5]. Острыми вопросами были состав распределяемых земель, порядок предоставления, нормы и разверсточные единицы отвода земли. Распределялись все конфискованные земли, за исключением тех, которые были предназначены для организации советских хозяйств.

Весной – осенью 1919 г. был издан ряд декретов, упорядочивавших отношения между государством и середняком. В апреле 1919 г. вышел декрет ВЦИК «О льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания единовременного чрезвычайного Революционного налога», по которому среднее крестьянство освобождалось от налога или облагалось небольшими суммами [10, с. 100]. Развитию крестьянского единоличного хозяйства также содействовали декреты ВЦИК «О льготах по взысканию на-

турального налога» от 26 апреля 1919 г., декрет СНК «О льготах по обложению сельских хозяйств натуральным налогом в 1919 г.» от 15 октября 1919 г. [6]. Введенный продналог, оставляя на первом месте потребности государства, был «компромиссом социально-экономического характера, на который вынуждены были пойти правящие круги для восстановления политической стабильности»; он был крайне важен для крестьян – «кажушаяся определенность позиции власти открывала возможность выстраивания стратегии развития своего хозяйства» [3, с. 68]. В период 1920-х гг. налоговая политика претерпевала изменения. Первоначально налогообложение строилось на основе так называемой «ступенчатой шкалы», при которой налоговые ставки зависели от количества пахотно-сенокосной земли, приходившейся на одного едока. В 1924 г. она была заменена на «скользящую» прогрессию, предполагавшую последовательное обложение каждой отдельной десятины на едока. Объектом обложения сельхозналога были земля и скот. С 1926 г. стал применяться принцип подоходного обложения и размер налога зависел от величины совокупного дохода крестьянского хозяйства, учитывая доход от садоводства, огородничества, птицеводства и промыслов. Вместо десятины пашни вводилась новая единица обложения – рубль дохода. Динамика развития налоговой политики демонстрировала постепенный рост средних слоев крестьянства [3].

Главным направлением социально-экономической политики государства в годы нэпа стало осереднячивание деревни [9]. На XV партийной конференции в 1926 г. подчеркивалось, что «средняцкая масса деревни... остается по-прежнему главной силой земледелия» [12, с. 77]. Однако она не была однородной по своему составу, так как пополнялась за счет как сокращения крупных хозяйств, так и включения маломощных групп вчерашних бедняков. Таким образом, следствием проводимой аграрной политики главной фигурой советской доколхозной деревни было среднее крестьянство. Что же представляло собой хозяйство середняка в середине 1920-х гг.?

Данные материалов крестьянских бюджетов Центрально-земледельческого района, который включал основную территорию губерний Центрального Черноземья (Воронежской,

Курской, Тамбовской, Орловской, Рязанской и Тульской), за 1924–1925 гг. показывают, что семья середняка состояла в основном из 4,8 едока, 3,8 трудоспособного работника обоего пола и имела 7,6 десятины посева, 1,2 лошади и 1,1 коровы. Средства производства хозяйства оценивались в 721,1 рубля, из которых рабочему скоту принадлежало 37 % стоимости, постройкам – 24 %, запасам – 22 % и сельскохозяйственному инвентарю – 17 % [10, с. 287]. Характеристика семьи середняка Центрально-промышленного района, охватывающего Московскую, Калужскую, Тверскую, Ярославскую и Владимирскую губернии, выглядела иначе. В среднем она имела 3,8 едока, 2,3 работника, 4,4 десятины посева, 1,1 лошади, 1,4 коровы. Средства производства составляли 767,2 рубля, из которых к рабочему скоту относилось 35 %, постройкам – 32 % и сельскохозяйственному инвентарю – 21 % [Там же. С. 288].

Производственные отношения средняцких хозяйств характеризовались активным участием в найме-сдаче земли и средств производства. Разрешение на сдачу земли в аренду и применение наемного труда было направлено на увеличение товарности крестьянских хозяйств [14, с. 109]. В 1924–1925 гг. участниками таких отношений были 45 % средняцких хозяйств Центрально-земледельческого и 36 % Центрально-промышленного района. Причем 86 % хозяйств в первом из указанных экономических районов и 92 % во втором участвовали в аренде земли, что было связано с избытком средств производства и рабочих рук. В результате запашка земли в хозяйствах, прибегавших к аренде земли, увеличивалась на 25–30 %. Напротив, к сдаче земли в аренду середняки прибегали реже. Они активно участвовали в отношениях найма-сдачи средств производства: к найму прибегали 15 % средняцких хозяйств по Центрально-промышленному району и 22 % по Центрально-земледельческому, сдавали их соответственно 25 и 42 % [10, с. 288]. Сдача инвентаря в наем была одной из доходнейших статей хозяйства. В условиях натуральной экономики, слабого развития товарно-денежных отношений оплатой за наем средств производства чаще всего служили отработки или часть урожая натурой. Отработки обеспечивали хозяйство дающего даровой рабочей силой.

Рассмотрим более подробно состояние крестьянских хозяйств середняков на примере Пензенской губернии, относящейся к Средневожскому экономическому району, используя данные исследований, проводившихся в тот период времени. Основным занятием населения Пензенской губернии являлось сельское хозяйство, в котором было занято 91,5 % всего населения. Больше всего было развито полеводство, что соответствовало характеру естественных факторов.

Реализуя на практике политику государства «Лицом к деревне», Пензенский губком РКП(б) с октября 1924 по апрель 1925 г. провел комплексное обследование жизни и быта крестьян губернии. Исследование производилось в ее наиболее характерных районах: пригородном (Валяевская и Оленевская волости Пензенского уезда), прифабричном (Н.-Шкафтинская волость Городищенского уезда), сплошь земледельческом (Свищевская волость Чембарского уезда) и в районах с татарским (Кривозерьевская волость) и мордовским (Атюрьевская волость) населением. Программа исследования содержала более 60 вопросов, охватывающих разные стороны жизни крестьян. В итоге члены комиссии побывали в 28 волостях и познакомились с жизнью 32 730 крестьянских хозяйств. Они изучали их историю, состояние, беседовали с крестьянами и комсомольскими, партийными активистами. Одним из главных выводов, который они сделали, заключался в том, что восстановление крестьянских хозяйств шло медленными темпами, характеризовалось слабой обеспеченностью скотом и сельскохозяйственным инвентарем и свидетельствовало «скорее о более или менее ровном хозяйственном подъеме деревни, чем о ее расслоении» [19, с. 15].

К середнякам члены комиссии отнесли 53,9 % обследованных крестьянских хозяйств. Большинство середняков находилось в земледельческом районе (72,7 %), меньше всего их было в татарском районе (31,4 %). Выявленные кулацкие хозяйства составили 2,6 %. Наибольшее их количество было отнесено к пригородному и татарскому районам (4 %). К беднякам было причислено 43,5 % хозяйств. Среди районов первое место по количеству бедняков занял татарский (64,6 %), меньше всего (25,9 %) их было в земледельческом районе [Там же. С. 22].

Средняцкие хозяйства были неоднородны, и члены комиссии поделили их на три категории. «Зажиточные» отличались большими семьями и соответственно имели большее количество рабочих рук. По распределительной норме у таких хозяйств было больше земли. Они имели корову и лошадь, пропашной инвентарь, преимущественно плуг. «Зажиточные» хозяйства составляли всего 7 %. Основную массу представлял «средний» слой. У таких хозяйств была неполная обеспеченность «живым инвентарем», землю в них обрабатывали сохой. «Маломощных» было достаточно много (примерно 40 % от середняцких хозяйств). Члены комиссии не всегда могли отделить их от «средней» категории и объединяли с ней при подсчетах. «Маломощные» середняцкие крестьянские хозяйства были наиболее уязвимы и в период неурожая окончательно разорялись и переходили в «в бедняцкую группу» [Там же. С. 24].

У разных категорий крестьян состояние избы и двора с хозяйственными постройками отличалось. У зажиточных крестьян имелись отдельные помещения для разных хозяйственных нужд, бедные использовали для них одну постройку.

Рассмотрим, что представлял собой двор середняцких хозяйств. Описание таких дворов содержится в исследованиях этнографов Н.И. Спрыгиной и Б.Н. Гвоздева, проводивших исследования пензенской деревни в 1923 гг. [См.: 13]. Сразу оговоримся, что хозяйства для исследования выбирались волостными исполкомами, т. е. представляли собой «эталон» середняка. Имеющиеся описания русских, мордовских и татарских крестьянских хозяйств свидетельствуют, что независимо от национальной принадлежности их состояние — наличие или отсутствие необходимых построек — зависело только от степени экономической мощности хозяйства.

В качестве примера возьмем двор середняка Ф.Н. Сарайкина из мордовского села Пазелки Городищенского уезда Пензенской губернии. В селе было 750 дворов, из которых 441 безлошадный. Земля делилась на три поля с различным качеством земли. На едока приходилось по 2,5 сажени (сажень равна 2,16 м) земли [18, л. 2–6].

Изба выбранного середняка была деревянной, простой рубки, размером 8×8 аршин, к

которой примыкали сени размером 6×5 аршин (аршин равен 0,71 м), задняя часть которых была занята чуланом. Стены утеплены мхом и паклей, пол — завалинкой, потолок — землей. Крыша была покрыта снизу лубком, а сверху — соломой. Изба была освещена достаточно: два окна выходило на улицу, одно — в переулок. Внутреннее оформление было традиционным. К красному углу сходились две лавки, идущие по стенам. Перед ним в углу стоял стол с ящиками для хлеба. Над столом висела керосиновая лампа. Печь была поставлена на деревянный сруб и облицована со всех сторон досками. На нее вели две деревянные лавки-приступки. От угла печи шли полки, на которых была расставлена часть кухонной утвари: горшки, кувшины, чашки. К полке было прикреплено кольцо для зыбки. В связи с ограниченным пространством избы в полатах была вынута часть досок, чтобы можно было прикрепить механизм, на котором держались и двигались нитченки ткацкого стана. В углу между печью и передней стеной располагалось всё, что относилось к приготовлению пищи, на дополнительной лавке и полке находилась утварь.

Двор размером 26×22 аршин был обнесен бревенчатым забором. Во дворе располагались конюшня, коровник, хлев для мелкого скота, погреб, сараи, крытые соломой. Ко двору примыкал ограниченный жердями небольшой огород (размером 9×10 аршин). За ним располагалась гумно с амбаром и ригой.

Имущественное расслоение в деревне в 1920-х гг. было связано с наличием скота, сельскохозяйственных орудий и доходов от частной торговли. Производственный потенциал крестьянского хозяйства напрямую зависел от наличия рабочего скота. Его отсутствие приводило к невозможности своими силами вести хозяйство. В течение 1920-х гг. численность безлошадных хозяйств в РСФСР сократилась. Их удельный вес снизился с 37,1 (1922 г.) до 28,3 % (1927 г.). Постоянно уменьшалось число хозяйств без пахотных орудий. По РСФСР их удельный вес сократился с 36,6 (1920 г.) до 31,6 % (1917 г.) [10, с. 330].

Орудия труда крестьян в 1920-х гг. оставались традиционными: соха, в состоятельных хозяйствах плуг, а также борона, коса, серп. Машинная техника использовалась ими крайне редко.

Данные Пензенского губернского земельного управления свидетельствуют, что количество усовершенствованных орудий труда было незначительным как в начале XX в., так и в 1920-х гг. Причем, если с 1910 до 1917 г. их использование в крестьянских хозяйствах увеличилось с 8 до 23 %, то к 1920 г. оно уменьшилось до 20 %. Крестьяне часто переделывали плуги на сохи. Наметившаяся негативная тенденция была связана с тем, что усовершенствованный инвентарь изнашивался, а в хозяйствах не было средств, чтобы произвести ремонт. Площадь посевов сокращалась, лошади обессиливались, так как плуг был для них тяжел. В крестьянских хозяйствах сокращалось количество самого необходимого инвентаря в связи с изношенностью. К началу нэпа сох осталось 174 тыс., т. е. их число уменьшилось на 46 тыс., на 30 тыс. (до 180 тыс.) уменьшилось и количество борон. В 1920 г. из 298 тыс. дворов 109 тыс. (36,5 %) крестьянских хозяйств не имели кос [16].

К 1925–1927 гг. улучшение ситуации было незначительным. По данным исследования, проведенного статистическим отделом Пензенского губисполкома, только в 1,2 % хозяйств крестьянского типа использовали сеялки. Количество хозяйств, не имеющих пропашного инвентаря и соответственно вынужденных использовать чужой, увеличивалось даже на этом отрезке времени. В 1925 г. их было 32,1 %, в 1926 г. — 36,5 % и в 1927 г. — 37,4 %. В 1925 г. только 56,4 % хозяйств имело соху. Улучшение произошло в обеспеченности хозяйств плугами. В 1925 г. таких хозяйств было 12,9 %, а в 1927 г. — уже 24,1 %. В 1925 г. в 39,4 % хозяйств отсутствовали бороны, в 38,1 % не было телег [11, с. 24–35, 129, 131, 183, 184].

Подводя итог, отметим, что уравнительное перераспределение земли способствовало осереднячиванию деревни. В период нэпа восстановление народного хозяйства шло медленными темпами и социальное выравнивание выразилось в маломощности большинства крестьянских хозяйств на фоне общего обнищания деревни. Середняцкие хозяйства были неоднородны и имели тенденцию перехода «в бедняцкую группу». В хозяйстве середняка, как правило, были лошадь, корова, имелись хозяйственные постройки и орудия труда. Семья в среднем состояла из четырех трудоспособных

работников. Наличие средств производства и рабочих рук давало возможность увеличить количество земли за счет ее аренды. В то же время сельскохозяйственные орудия оставались примитивными: из пахотных орудий преобладала соха, машинная техника практически отсутствовала, четвертая часть середняцких хозяйств была вынуждена прибегать к найму средств производства.

Начавшаяся индустриализация сопровождалась ужесточением налоговой политики, сужала рамки нэпа в деревне [3, с. 73]. С 1927 г. сумма налога была увеличена, при этом интересы бедняцких хозяйств охранялись. Доля освобожденной от налога бедноты достигла 35 % от общего числа деревенских домохозяев. Основная тяжесть возросшего сельхозналога перекладывалась на середняков и зажиточное крестьянство [7, с. 104]. Следующим шагом стал курс на упразднение индивидуальных товарных хозяйств и коллективизацию.

Резкое вмешательство во внутренний уклад деревенской жизни нарушило естест-

венную эволюцию крестьянства. Проведенная И.В. Сталиным «революция сверху» практически ликвидировала единоличные крестьянские хозяйства, создав в короткий срок крупные коллективные. В результате крестьяне были отчуждены от собственности и земли. Земледельческий труд, отделенный от хозяйствования, стал для крестьянина уже не образом жизни, а только средством к ней [4]. Несмотря на «весомую роль в экономике страны», количество единоличных хозяйств, плативших двойную сумму налога и помогавших колхозам выполнять план государственных заготовок по сельхозпродуктам, «из года в год сокращалось» [15, с. 75]. Россия становилась страной бывших крестьян. На долгие годы основой ее экономики стала колхозная система, для которой характерны отсутствие экономических стимулов к труду, несамостоятельность и бесправие колхозников, что в результате привело к замедлению темпов роста сельскохозяйственного производства и обострению продовольственной проблемы в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Багдасарян С.Д.** Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы: моногр. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.
2. **Бондаренко С.И.** «Кого считать кулаком – кого тружеником?». К вопросу о процессе социального расслоения деревни в 1920-е гг. // История в подробностях. 2015. № 3 (57). С. 34–43.
3. **Гончарова И.В.** «Противопоставление крестьянства власти... чувствуется довольно сильно»: региональные аспекты налоговой политики в деревне в 1920-е гг. на материале Орловской губернии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 2. С. 65–78.
4. **Гордон А.В.** Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Великий незнакомец крестьяне и фермеры в современном мире [пер. с англ.] / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. С. 57–74.
5. **Декреты Советской власти.** Т. 1. М.: Политиздат, 1957. С. 406–419.
6. **Декреты Советской власти.** Т. 6. М.: Политиздат, 1973.
7. **Есиков С.А.** Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.
8. **Жулаева А.С., Лушаева Г.М.** Сельское население Сибири первой половины 20-х годов XX века: социальные проблемы и противоречия: моногр. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2007. 274 с.
9. **Иванов А.В.** Отречемся от старого мифа? О дезавуировании тезиса об «осереднячивании» деревни как результате аграрных преобразований советской власти в 1917–1920 гг. // История в подробностях. 2010. № 4. С. 66–74.
10. **История советского крестьянства.** В 5 т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. М.: Наука, 1986. 456 с.
11. **Итоги** весенних выборочных обследований по Пензенской губернии. Пенза: Стат. отд. Пенз. губ. исполнит. к-та, 1928.
12. **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1984.
13. **Лебедева Л.В.** Материалы о повседневной жизни крестьян Пензенской губернии в 1920-е гг. в фондах Пензенского краеведческого музея // Первые Всерос. краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения. М.: Москвоведение, 2009. С. 564–568.
14. **НЭП:** экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006.
15. **Новинская Т.Ю.** Личное хозяйство крестьян в период хрущевских преобразований (на примере Пензенской области) // Аграрная Россия: осмысление истории. Матер. 46-й Всерос. заочной конф. СПб.: Нестор, 2007. С. 75–78.

16. **Обзор** сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления / под общ. ред. Д.С. Магнусова. Ч. 1. Пенза, 1922. С. 80–81.

17. **Орлов И.Б.** Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд-во ВШЭ, 2010. 317 с.

18. **Пензенский государственный краеведческий музей.** О. ф. 12960/5.

19. **Росницкий Н.А.** Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 126 с.

20. **Шанин Т.** Понятие крестьянства // Великий незнакомец крестьяне и фермеры в современном мире [пер. с англ.] / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. С. 8–19.

ЛЕБЕДЕВА Лариса Витальевна – кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного технологического университета.

Россия, 440039, Пенза, пр-д Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11

e-mail: lebedevalv@list.ru

L. V. Lebedeva

THE TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC LIFE OF MIDDLE PEASANTS DURING THE PERIOD OF THE NEP (On materials of the Penza province)

The Bolsheviks' agrarian policy of the first decade of the Soviet power is analyzed in the article: the attitude change towards middle peasants and representing them as the main agriculture forces. The author has found out the heterogeneity of middle peasants' households, their division into three categories: "well-off", "medium" and "not well-off" having tendency moving to poor households. The economic situation of middle peasants' households has been considered: house, household outbuildings, the number of working and stand idle stock, the use of machinery. The author has come to the conclusion that the equalitarian reallocation of land contributed to the process of making village middle. During the period of the New Economic Policy the process of the economy renewal was slow and social cohesion was manifested in the poverty of the majority of households in terms of general impoverishment of village. Agricultural tools were primitive. A middle peasant's household was economically weak.

SOCIAL HISTORY; AGRICULTURAL HISTORY; PEASANTS; MIDDLE PEASANTS.

REFERENCES

1. Bagdasaryan S.D. Byt, trud i semya krestyan epokhi nepa: istoricheskaya povsednevnost', yuzhno-rossiyskoy derevni v 1920-ye gody. Novochoerkassk, Lik Publ., 2015. 312 p. (In Russ.)

2. Bondarenko S.I. "Kogo schitat' kulakom – kogo truzhenikom?". K voprosu o protsesse sotsial'nogo ras-

sloyniya derevni v 1920-ye gg. *Istoriya v podrobnostyakh*, 2015, no. 3 (57), pp. 34–43. (In Russ.)

3. Goncharova I.V. "Protivopostavleniye krestyanstva vlasti... chuvstvuyetsya dovol'no sil'no": regional'nyye aspekty nalogovoy politiki v derevne v 1920-ye gg. na materiale Orlovskoy gubernii. *Vestnik Rossiyskogo univ. druzhby narodov*. Ser. Istoriya Rossii, 2010, no. 2, pp. 65–78. (In Russ.)

4. Gordon A.V. Khozyaystvovaniye na zemle — osnova krestyanskogo mirovospriyatiya. *Velikiy neznakomets krestyane i fermery v sovremennom mire*. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. Pp. 57–74. (In Russ.)
5. Dekrety Sovetskoy vlasti. Of vol. 1. Moscow, Politizdat Publ., 1957. Pp. 406–419. (In Russ.)
6. Dekrety Sovetskoy vlasti. Of vol. 6. Moscow, Politizdat Publ., 1973. (In Russ.)
7. Yesikov S.A. Rossiyskaya derevnnya v gody nupa: k voprosu ob al'ternativakh stalinskoj kollektivizatsii (po materialam Tsentral'nogo Chernozemya). Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 246 p. (In Russ.)
8. Zhulayeva A.S., Lushchayeva G.M. Sel'skoye naseleniye Sibiri pervoy poloviny 20-kh godov XX veka: sotsial'nyye problemy i protivorechiya. Krasnoyarsk, SibGTU Publ., 2007. 274 p. (In Russ.)
9. Ivanov A.V. Otrechemsya ot starogo mifa? O dezavuirovanii tezisa ob “oserednyachivani” derevni kak rezul'tate agrarnykh preobrazovaniy sovetskoy vlasti v 1917–1920 gg. *Istoriya v podrobnostyakh*, 2010, no. 4, pp. 66–74. (In Russ.)
10. Istoriya sovetskogo krestyanstva. In 5 vol. Of vol. 1. Krestyanstvo v pervoye desyatiletie sovetskoy vlasti. 1917–1927. Moscow, Nauka Publ., 1986. 456 p. (In Russ.)
11. Itogi vesennikh vyborochnykh obsledovaniy po Penzenskoy gubernii. Penza, Statisticheskiy otdel Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Publ., 1928. (In Russ.)
12. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TsK. Of vol. 4. Moscow, Politizdat Publ., 1984. (In Russ.)
13. Lebedeva L.V. [Materials about the everyday life of the peasants of the Penza province in the 1920s. Funds in the Penza regional museum]. [*The first All-Russian regional studies read: history and prospects of development of Moscow history and local history*]. Moscow, Moskvovedenie Publ., 2009. Pp. 564–568. (In Russ.)
14. *NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty* [NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. (In Russ.)
15. Novinskaya T.Yu. [Private farming peasants during the Khrushchev reforms (for example, the Penza region)]. [*Agricultural Russia: comprehension of history. Proceedings of the 46th Conference of the All-Russia correspondence*]. St. Petersburg, Nestor Publ., 2007. Pp. 75–78. (In Russ.)
16. Obzor sel'skogo khozyaystva Penzenskoy gubernii i osnovnyye napravleniya yego vosstanovleniya. Pt. 1. Penza, 1922. Pp. 80–81. (In Russ.)
17. Orlov I.B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sociologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: the historical and sociological aspects of the formation]. Moscow, VShE Publ., 2010. 317 p. (In Russ.)
18. Penzenskiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey. O. f. 12960/5.
19. Rosnitskiy N.A. Litso derevni. Po materialam obsledovaniya 28 volostey i 32730 krestyanskikh khozyaystv Penzenskoy gubernii. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1926. 126 p. (In Russ.)
20. Shanin T. [The notion of the peasantry]. [*Great stranger peasants and farmers in the modern world*]. Moscow, Progress, Progress-Academy Publ., 1992. Pp. 8–19. (In Russ.)

LEBEDEVA Larisa V. — *Penza State Technological University.*

Proezd Baydukova / ul. Gagarina, 1a / 11, Penza, 440039, Russia

e-mail: lebedevalv@list.ru